

Естественно, что внутри этого идеального и универсального режима тут же возникают двойные стандарты в виде неизбежной дифференциации мира на демократии первого, второго и третьего сорта. В результате, универсализация демократии на практике оборачивается ее релятивизацией и новой идеологической дискредитацией. Отсюда закономерный отказ от демократического транзита как легитимирующего стержня актуальной капиталистической миросистемы и актуализация проектов ее собственной трансформации.

Соответственно движение периферии к универсальной Демократической Современности превращается в частную и во многом ложную задачу позавчерашнего дня. Обнаружение предельных исторических границ капиталистической миросистемы, рост глобальных социально-экономических и культурных разрывов отвергают в настоящее время саму возможность «транзита» к некоей универсальной политической норме. Множество намечающихся путей возможной трансформации «знакового мира» пока не дает оснований для веры в новые универсалии и политические стандарты. Фундамент новой Вавилонской башни взамен разрушающейся капиталистической миросистемы еще только предстоит заложить.

### Ограниченность цивилизационной парадигмы

Цивилизационная парадигма строится на аксиоме о первичности и непреодолимости уникальных культурных различий. В фаталистической и во многом иррациональной интеллектуальной традиции, делящейся от Н. Данилевского<sup>1</sup> и О. Шпенглера<sup>2</sup> до С. Хантингтона<sup>3</sup> и П. Бью-

---

<sup>1</sup> Данилевский Н. Россия и Европа. СПб.: Глаголь, 1995.

<sup>2</sup> Шпенглер О. Закат Европы. М.: Эксмо, 2006.

<sup>3</sup> Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

кенена<sup>1</sup>, цивилизации рассматриваются как организмы, которые растут, живут и неизбежно умирают. И в этом никто не виноват – такова уж судьба цивилизаций и культур, таковы законы истории. В отношении России цивилизационный подход – это теория познания политики, понимающая Россию как особенный предмет, самостоятельную, уникальную реальность, для изучения которой не подходит заимствованный извне инструментарий и перенос тех или иных «кейсов». Априорная аксиома состоит в том, что любая политическая теория культурно детерминирована, а предмет, к которому ее пытаются приложить, уникален и не типичен. Политическая норма одной цивилизации не может черпаться в идейном пространстве другой. Реальная ценность теории может возникнуть только в аутентичном пространстве цивилизации, интерпретируя ее прошлое/настоящее/будущее.

Исходным пунктом цивилизационного анализа, ставящего целью отсрочить естественный конец какой-либо «уникальной» цивилизации, является возврат к идеальному обществу, которое в силу ряда причин отклонилось от естественных, заложенных в нем путей развития. Поэтому кризис западной, православной и любой иной цивилизации осмысливается в данной парадигме как результат отхода от цивилизационных устоев. Поэтому цивилизационная парадигма неизбежно консервативна. Тем более странно, что цивилизационный подход в последнее время пытаются использовать в виде универсальной интеллектуальной отмычки и правые, и левые, и западники, и славянофилы. Так, левые российские коммунисты-патриоты связывают кризис российской (советской) цивилизации ни с чем иным, как с разлагающим влиянием западной цивилизации (неолиберальные рыночные реформы, атомизация общества, слом культурной матрицы и т.п.). В свою очередь, такие радикальные американские консерваторы-традиционалисты как

---

<sup>1</sup> Бьюкенен П. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003.

П. Бьюкенен считают агентами порчи американского общества именно марксистов, наряду с представителями «чуждых» Америке цивилизаций. И все вместе с позиций цивилизационного подхода обосновывают свои аргументы против пагубной глобализации.

Цивилизационный подход предполагает, что цивилизации уникальны и конечны. Отсюда исторический фатализм как неспособность политиков что-либо изменить в развитии цивилизации. Разве только навредить, отклонив цивилизацию от предзаданного ее культурным генокодом пути развития. Но рано или поздно все уникальные цивилизации освобождают место под солнцем для новых культур. Поэтому тем более непонятно моральное негодование цивилизационистов по поводу естественных и необратимых, с их точки зрения, процессов. На самом деле, было бы удивительно, если бы в ходе целенаправленной трансформации западной или православной цивилизаций они «омолодились», вернувшись к своим истокам. История не повторяется ни для отдельного человека, ни для цивилизации, ни для человечества в целом.

При этом адепты цивилизационного подхода обнаружили, что он эффективен в качестве апокалиптической «страшилки», мобилизующей общественное мнение в их пользу. Потому он столь актуален сегодня. При этом они склонны считать, что если цивилизации очень хочется не умирать, всегда можно найти таблетку вечной жизни, правда, вступив в конфликт с собственными исходными аксиомами о тщетности поиска исторических отсрочек для любых цивилизаций, а тем более их возрождения, будь то Великая Америка или СССР-2.

Рецепт сокрытия собственных противоречий на самом деле прост. Например, П. Бьюкенен представляет ослабление Запада как нечто вроде инфекционной болезни, поразившей его культуру. А такие болезни излечимы, стоит

только найти возбудителя. И поэтому мысль П. Бьюкенена следует по накатанному пути теории заговоров. Причину умирания Запада он находит в заговоре приверженцев контркультуры и левых теоретиков, начиная неомарксистами вроде А. Грамши<sup>1</sup> и заканчивая такими меткими критиками общества потребления как Г. Маркузе<sup>2</sup>. Оказывается, что это они своей многолетней деятельностью разложили базовые семейные и религиозные ценности европейцев и американцев, они же совершили культурную и сексуальную революцию 1960-х, которая лишила западные народы воли к жизни и воспроизводству, ввели политкорректность, которая обезоружила Запад перед ордами иммигрантов и т.д., и т.п. Российские державники и патриоты в той же логике развивают идеи об «агентах влияния» в политической элите, о тлетворном влиянии западных ценностей (рыночная конкуренция как «война всех против всех», расхождение богатых и бедных, «нерусскость» элит, «антинародные» СМИ и т.п.) на православно-советскую цивилизацию.

Эти в высшей степени эмоциональные обличения сегодня не могут не вызывать ничего, кроме горькой улыбки и столь же горьких ассоциаций. Россия в XX в. в полной мере прочувствовала все прелести охоты на политических ведьм с помощью иррационального «классового чутья», обернувшегося в наши дни на Западе чутьем цивилизационным. Печально в начале XXI в. наблюдать ренессанс плоского рационализма и примитивного психологизма времен Просвещения и его врагов.

Впрочем, чего же еще ожидать от нынешних времен, которые отмечаются крушением тех самых теорий эволюции и прогресса, коммунистических и либеральных идеологий? В результате западная цивилизация, гибель которой

---

<sup>1</sup> *Грамши А.* Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. М., 1991.

<sup>2</sup> *Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 1994.

предвидит П. Бьюкенен, элементарно утратила свою идеологическую надстройку, претендуя на глобальное лидерство. Оказалось, что универсальные рецепты Просвещения без серьезной адаптации эффективны лишь в своем культурно-историческом ареале. И казалось бы, в полностью модернизированных и современных обществах Запада и России, вновь появились условия для роста популярности просветительской теории заговора.

Противники капиталистических революций XVII–XIX вв. далеко не всегда отдавали себе отчет в том, что монархический порядок, препятствующий развитию капитализма, подрывал сам себя. Поэтому революция казалась им трагическим стечением обстоятельств, следствием успешного заговора врагов королевской власти, христианской церкви и традиций.

Контрреволюционеры XXI в., используя цивилизационную парадигму, мыслят точно так же. Еще каких-то лет 40 назад был устойчивый культурный и идеологический порядок, и вдруг его уже нет. Делается «самоочевидный» вывод о том, что его разрушили левые заговорщики в союзе с разного рода обнаглевшими меньшинствами. Но неужели на пустом месте возник пресловутый заговор левых и контркультурщиков, позволяющие себе все больше вольностей меньшинства, отнимающая рабочие места иммиграция, дехристианизация, депопуляция и прочие казни египетские, которые теперь губят Запад? Не будет ли более разумным предположить, что та самая европейско-американская культура, которая, по П. Бьюкенену, сейчас умирает, породила не только многочисленные блага, но и весь этот клубок проблем – причем одно неотделимо от другого? И не является ли лицемерием считать блага трансформирующейся на наших глазах экономической, политической и культурной системы Запада сами собой разумеющимися, а ее пороки – привнесенными извне заговорщиками?

Либерализм исходил из необходимости предоставления равных прав и возможностей для всех, но не «здесь и сейчас», а «потом» и только для тех регионов, стран и групп, которые будут «готовы» воспользоваться новыми правами. Требование постепенности изменений в реальности принуждало ставить барьер за барьером на пути осуществления всеобщего равенства. Исключенных из либерального консенсуса, сначала в рамках западных обществ, затем – в рамках капиталистической миросистемы в целом, всегда было больше, чем избранных. Представители «опасных классов», женщины, иммигранты, люди другой веры и т.д. только постепенно уравнивались в правах с тем небольшим меньшинством, которое получило их изначально. Например, о правах неевропейских народов, без колониальной эксплуатации которых капиталистическая миросистема была бы невозможной, всерьез заговорили только после первой мировой войны. Чуть позже вспомнили об избирательных правах женщин, правах детей, меньшинств и т.д. Тем не менее, эта интеграция все же еще осуществлялась с помощью различных идеологических инструментов, прежде всего в виде роста национального самосознания.

Вплоть до середины XX в. либерализм оставался доминирующей идеологией миросистемы, сумевшей подчинить своему влиянию как консерваторов, так и левых, озвучивавших требования не интегрированных в систему социальных групп. Однако с точки зрения гораздо более многочисленных (в мировом масштабе) «эксплуатируемых» групп эта идиллия представлялась результатом гигантского лицемерия и непоследовательности. Фактически либеральный консенсус был обставлен длинным рядом разнообразных «но». Права человека в теории предназначены для всех, однако на практике их часто не имеют (или имеют не в полной мере) люди без солидной частной собственности, нищие и безработные, женщины, упорствующие радикалы, «цветные», иммигранты и т.д.

В результате национализм, расизм, сексизм и прочие ограничения либерального консенсуса, без которых он, тем не менее, не мог «работать» на практике, с легкостью могли быть осмыслены как ограничения *культурные*. И они тем более вызвали негодование «исключенных» и всех ограниченных в правах, поскольку в идеологии либерализма насчет этих ограничений ничего не говорится, а напротив, утверждается, что права человека доступны всем, вне зависимости от пола, расы, вероисповедания и т.д. Стоит ли удивляться, что исключенные из либерального консенсуса оказались восприимчивыми именно к идее *культурной революции*, призванной покончить с политикой двойных стандартов либерализма? Именно они закономерно начали считать, что только культурные ограничения мешают им овладеть все полнотой прав – от прав индивида до прав народов? В том числе и правом свободно передвигаться по миру в поисках работы, которой нет дома именно потому, что экономического процветания по рецептам МВФ там почему-то не наступает.

Когда все исключенные решились потребовать давно обещанные права и кое-чего добились в этом отношении, то оказалось, что последовательное осуществление либеральных постулатов попутно разрушает культурную основу Запада. Этому разрушению Запад не может противопоставить ничего, кроме призывов к «культурной реставрации», которые звучат в работах П. Бьюкенена и С. Хантингтона. Однако призыв этот утопический. Актуальный кризис миросистемы как раз и заключается в том, что если у людей и народов действительно равные права, то нынешнюю неэгалитарность (неравенство) миросистемы нельзя сохранять. А если неравенство признать фактически, то капиталистическая миросистема объективно теряет легитимность в идеологическом отношении, хотя и сохраняет относительную стабильность в экономическом. Как аргументировано утвер-

ждает основатель миросистемного подхода И. Валлерстайн, в ходе волнений 1968 г. впервые был поставлен под сомнение универсализм либерального консенсуса капиталистической миросистемы. И произошло это просто потому, что либерализм не смог, да и не мог в принципе, выполнить своих обещаний данных всем людям и народам мира<sup>1</sup>.

Как показали дальнейшие события, 1991 г. символически обозначил исторический предел капиталистической миросистемы, по достижении которого она вынуждена трансформироваться. Политика как спор великих идеологий (либерализм, консерватизм, социализм) в рамках либерального консенсуса постепенно уходит в прошлое. Язык политики как язык идеологий, бывший столь самоочевидным и понятным еще 20 лет назад во времена биполярности и холодной войны, все менее способен объяснять актуальную реальность. Место претендовавших на рациональность и научность идеологий стремительно заняли цивилизационные мифы. Но то, что приходит на смену, не всегда лучше того, что было раньше. Идеинный кризис, отражающий трансформацию миросистемы, приводит к общему регрессу общественности. Сложные идеологические концепции и парадигмы уступают место самому простому и очевидному: универсализм больших идеологий вытесняется мелкой и частной риторикой идентичности, которая в ситуации ослабления национальных государств все больше базируется на основах веры, цвета кожи и этнических связей, а не гражданства.

Таким образом, мы можем наблюдать, что претензии либерального консенсуса на глобальность и универсальность потерпели крах как в его догматическом «европейском», так и в альтернативном «советском» варианте Современности-Модерна. Поэтому крушение социалисти-

---

<sup>1</sup> Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. С. 234-251.



ческого лагеря в 1989–1991 гг. является не концом коммунизма и торжеством либеральной демократии, а началом глобальной трансформации актуальной миросистемы в целом. Эта трансформация будет происходить в XXI в., пока мир вновь не придет в новое равновесное положение. Естественно, что с точки зрения западных обществ, занимавших наиболее привилегированное и выгодное положение в капиталистической миросистеме, эта трансформация видится как кризис, способный ухудшить их положение в мире и понизить достигнутый ранее уровень жизни. Неудивительно, что консервативно настроенные элиты западных обществ хотели бы сохранить достигнутый уровень контроля над мировыми политическими, экономическими и культурными процессами, аргументируя происходящие в мире изменения действиями некоего собирательного образа «Доктора Зло», в которого входят и коммунисты-марксисты, и критики общества потребления, и экологи, и антиглобалисты, и мусульманский фундаментализм, и «мировая ось зла» в виде неподконтрольных США государств типа Ирана и Северной Кореи, и многие другие социально-политические силы, стремящиеся к изменению сложившегося «несправедливого» положения дел в миросистеме.

П. Бьюкенен, равно как и многие отечественные патриоты, призывает к культурной реставрации, что означает для него в первую очередь реставрацию религиозную – массовое возвращение к христианским ценностям, которые суть ценности аграрного, традиционного общества. Это желание не ново и не удивительно: материально-технический прогресс капитализма во многом был компенсирован негативным регрессом общественной морали, долгое время (почти до XVIII в.) не позволявшей жестокой и «внеморальной» капиталистической логике стать доминирующей в обществе.

Стоит отметить, что вопреки гневным филиппикам П. Бьюкенена в адрес критиков капитализма, марксистов и СССР, они не только не расшатывали капиталистическую миросистему, но наоборот, исторически во многом ее стабилизировали. Именно разочарование в марксизме и исторический крах СССР привели к всеобщему скепсису относительно традиционных левых движений, являвшихся политическими выразителями интересов «опасных классов». Это в свою очередь привело к нынешней глобальной неустойчивости миросистемы. Роль ключевого внутреннего стабилизатора, инициировавшего контролируемые изменения, которые укрепляли, а вовсе не разрушали капиталистическую миросистему (как полагали крайние левые), после крушения СССР выполнять стало никому.

Исторически социалисты и коммунисты наиболее активно побуждали капитализм к совершенствованию, поддерживали веру в прогресс и лучшую участь будущих поколений. Отсюда проистекал исторический оптимизм периферийных стран и «опасных классов», обделенных в рамках миросистемы капитализма. Но вместе с распадом социалистического блока рухнули надежды мирового левого движения и мировой периферии на движение к более эгалитарному и справедливо устроенному миру. Тому альтернативному будущему, надеждой и реальной силой которого, заставлявшей капиталистическую миросистему меняться в лучшую сторону, был СССР. Таким образом, реальный кризис левых идей и национально-освободительных движений являет собой нечто прямо противоположное той воображаемой победе левых в рамках мирового «заговора» над исконными ценностями западной цивилизацией, которую им приписывают современные цивилизаторы типа П. Бьюкенена.

Кризис мирового левого движения привел к тому, что значительная часть мирового населения, не имеющего

представителей, которые бы выразили их интересы и предложения по изменению миросистемы, во многом потеряла каналы политического участия в своей судьбе. Социальный протест уходит внутрь, оборачиваясь ксенофобией, алкоголизмом, шовинизмом, национализмом, терроризмом, ростом бытовой преступности и т.п. С помощью цивилизационной риторики этот полубессознательный протест можно лишь направить против «козлов отпущения» в лице «чужаков-иммигрантов», марксистов, разных меньшинств. Но подобные интеллектуальные манипуляции не имеют никакого отношения к действительным причинам трансформационных процессов происходящих в российском и западных обществах.

Рост неудовлетворенности в мире капиталистической миросистемой, пережившей свой расцвет в 1789–1991 гг., привел к необходимости поиска альтернативных проектов вместо миросистемы, основанной на неэгалитарном либеральном консенсусе «с двойным дном». В настоящее время, помимо впечатляющей критики целостной альтернативы капиталистической миросистеме и либеральному консенсусу нет. Одним из легких, но тупиковых выходов из сложившейся ситуации является взгляд на современный мир сквозь призму цивилиционизма. Причем этот простой путь стал популярен как у бывших цивилизаторов, так и у тех, кто весь XX в. стремился избавиться от глобальной опеки Запада. Наступательное цивилизаторство Запада превратилось в оборонительную цивилизованность. Но в любом случае этот путь априорно закрывает путь к новой глобальной универсальности, которой все еще обладает либеральная капиталистическая миросистема.

Безусловно, господствующие слои западных обществ, которые получают наибольшие выгоды в миросистеме, основанной на либеральном консенсусе, озабочены тем, что эта система все хуже справляется с ростом внут-

ренных противоречий и неравенств. Критики все эффективнее дискредитируют ее идейные основы. Мировое влияние Запада плавно ослабевает в новых точках геополитического роста. Крах левых обозначил тот факт, что капиталистическая миросистема потеряла способность к управляемым социальным изменениям, имеющим целью снижение остроты внутренних противоречий. В свою очередь, отсутствие эффективных способов влияния на миросистему со стороны недовольных групп, классов, обществ ведет к утрате готовности терпеть несправедливое настоящее ради лучшего будущего.

Кризис глобального либерального консенсуса ведет к измельчению, мультипликации и радикализации всех общественных конфликтов, в том числе возникающих в результате постоянно растущих притязаний «обделенных» и «эксплуатируемых» и все меньшего желания «эксплуататоров» эти претензии удовлетворять. Распадающиеся нации уже не в силах поддерживать веру в необходимость авторитарного и сильного государства, способного сохранить общее благо и долгосрочные интересы всего общества от посягательств групп частных интересов. Гиперактивное гражданское общество, трактуемое многими адептами либерализма как безусловное благо, подавляет автономию государства, поскольку любое противодействие каким-либо группам тут же оценивается в логике тоталитаризма и расизма. Логика неконтролируемых групповых интересов разваливает закон и нацию, и в конечном итоге гражданское общество съедает само себя, поскольку никто не хочет уступать во имя целого и всеобщего, а государство утратило способность выполнять функцию арбитра.

В актуальных обществах перестают работать такие формы борьбы за изменение общих правил как классические партии и идеологии. В условиях ослабления национальных государств, возвышающиеся меньшинства спо-

способны бороться лишь за изменение своего положения внутри общества, не будучи способны изменить общество в целом. Неразрешимый конфликт групповых интересов, когда потеряны механизмы его вывода на государственно-политический уровень, наносит удар по вере в государство, способное руководствоваться всеобщими интересами. Стремление групп к уникальности, а не к универсальности закрывает возможность диалога между ними. Здесь остается лишь следовать модели конфликта классов, этносов, религий или цивилизаций. Подобные бинарные схемы удобны для вычленения врагов тех или иных групповых интересов, часто представляемых в качестве государственных, вели в интеллектуальный тупик с точки зрения способности агрегировать общественный (политический) интерес и интегрировать распадающиеся нации-государства.

Конфликтный сценарий, априорно задаваемый цивилизационной парадигмой, мешает России эффективно отстаивать национальные интересы в режиме нормального политического диалога, частью которого является привычный ресурс риторики развитых стран о правах человека, демократии, свободе и т.п. Цивилизационные ответы в патриотическом духе и «умом Россию не понять» действительно все еще популярны во внутренней политической повестке дня, но оборачиваются провалом во внешней политике. Поскольку эффективное участие России (как и любой другой страны) в международных структурах предполагает отказ от исключительности, которая автоматически обуславливает политическую периферийность и маргинальность, в пользу всеобщности, готовности разговаривать со всеми субъектами реальной политики без сверхдержавных и цивилизационных комплексов. Предлагать не цивилизационные, а потенциально всечеловеческие сценарии решения проблем, которые могли бы устроить все заинтересованные стороны. Это трудно, но возможно.

В последние годы откат постсоветской России на периферию миросистемы вызвал закономерную критическую рефлексию по поводу легких исторических путей и готовых рецептов для России, которые завели ее в тупики неоллиберализма, теорий догоняющей модернизации и транзита, с одной стороны, и цивилизационной идентичности – с другой. Соответственно стала ощутима потребность в проектах, предлагающих России занять более справедливое место в миросистеме, адекватное ее экономическому, культурному и научному потенциалу. Проблема заключается в том, что проекты преодоления периферийности можно реализовать лишь путем изменения всей миросистемы и только как следствие – самой России. Во все более взаимосвязанном мире изменить часть можно лишь изменив целое. Войти в мировую политическую повестку можно только одним путем – мыслить глобально, с точки зрения долгосрочных выгод всего человечества. Претендовать на изменение миросистемы. Только тогда предложенные концепции будут иметь общечеловеческий, мировой резонанс.

Таким образом, цивилизационная парадигма по сути является политкорректным и культуроцентричным аналогом биологических теорий расизма, где принадлежность человека к той или иной расе подменяется цивилизационной идентичностью. Популярность цивилизационных теорий является результатом растерянности и иррациональной реакции обществоведения на кризис универсальности лежащего в основе капиталистической миросистемы «либерального консенсуса». Цивилизационная парадигма мифологична и эклектична, а руководство ею в политической практике чревато окончательной деуниверсализацией современной миросистемы и обострением конфликтов всех уровней. Поэтому действительным выходом из кризиса является отказ обществоведов и политиков от любых версий цивилизационной риторики (риторики идентичности), ко-

торая в реальности препятствует созиданию более эгалитарного и справедливо устроенного будущего человечества.

### **Вавилонская башня национализма**

Разочарование значительной части человечества в глобальных политических проектах, начиная Просвещением, Модернизацией, капитализмом и заканчивая построением отдельно взятых «сверхцивилизаций», закономерно привело к проклятой стороне подобного мессианства – недоверию к «чужим». «Новые чужие» изнутри вдруг оказались опаснее, чем «старые враги» снаружи. Сегодня национализм оказался востребован везде, переживая свое второе рождение. Для бывших метрополий, образующих привилегированный центр современной миросистемы, национализм оказался естественной реакцией психологической защиты против волн мигрантов. На мировой периферии национально-освободительные движения привели к образованию новых наций-государств и одновременно стали ответом на несправедливость глобального мироустройства, желание его изменить в свою пользу. Кроме того, национализм во многом является иррациональной реакцией общественной мысли различных стран на кризис проектов и концепций, предполагавших построение более эгалитарного и справедливого глобального мира. В реальности в последние десятилетия разрыв богатых и бедных, Севера и Юга только продолжал нарастать.

В результате мировая периферия перестала питать иллюзии относительно идей, позволяющих догнать Запад, будь то шоковые реформы, догоняющая модернизация или вестернизация. Рост неравенств в современной миросистеме и внутри отдельных стран привел к ожидаемому выводу о необходимости отказа от «либерального консенсуса», так как последний не дал ожидаемых результатов в виде соци-